

Портрет на фоне

РДс Вестн. - 1994 - 23 апр. - 95

Запрет на исполнение

Андрей ВЕЙМАРН

Званий и наград у него нет. Известность композитора Каретникова - особого рода. Направление, в котором он работал, возникшее в современной музыке как конечный этап развития тональной системы, серийная додекафония, был признан «формализмом в искусстве» и на протяжении двадцати шести лет находился под строжайшим запретом. Как водится в таких случаях, за рубежом его знают гораздо лучше, чем на Родине. Сравнивают с Альфредом Шнитке и Софьей Губайдуллиной...

Первые три года запрета обернулись для него настоящей трагедией. Оставшись без работы, а следовательно, и без средств к существованию, он жестоко голодал, дошел до крайности. Чувствовал себя Каретников чем-то вроде агента империализма.

450 композиторов, членов Союза из Москвы и ближнего Подмосковья, безбедно жили, получая деньги на бюджетной и коммерческой основе. Для него филармония, радио и телевидение, требовавшие безупречной репутации и партийного билета, были закрыты.

Спасение принесло кино, где спустя некоторое время Каретникову удалось получить работу. Сочинять легкую музыку он был не в состоянии. Серьезную музыку для кино не писали. Оказавшись вне конкуренции, он неожиданно получил возможность работать так, как ему хотелось.

Можно было, конечно, плыть по течению, плюнуть на все проблемы и неудачи. Он выбрал иной путь: зарабатывая в кино, работать для себя. Каретников написал музыку к 60 картинам, среди которых были «Бег», «Скверный анекдот» и «Власть Соловецкая».

Больше всего каждому композитору хочется, чтобы его музыка исполнялась. Запрет делал это для Каретникова невозможным. Выручали друзья. Анатолий Агамиров, главный музыкальный обозреватель всесоюзного зарубежного радио, взял на себя смелость записать крамольную музыку в начале семидесятых. Он сильно рисковал...

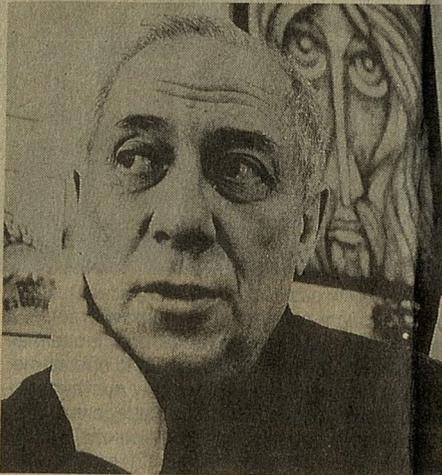
Музыканты приходили к Каретникову домой, разминались и почти без репетиции играли небольшой фрагмент. На следующий день - другой. Так, по кусочкам были записаны четыре оркестровых сочинения, исполненные целиком много лет спустя.

- Благо времени у меня, безработного, было сколько угодно, - говорит Николай Николаевич, удобно откинувшись в том самом кресле, которое, вероятно, является главным источником его музыкальной крамолы, - я, человек по натуре книжный, ре-

шил разобраться, как работал с текстом Бах. Досконально влез в его партитуры и в их первооснову, стихи Нового Завета, которые за шесть лет до этого, прочитав их впервые, счел «путаной арамейской литературой», и... обратился к Богу. К слову сказать, тогда же я пришел к выводу, что музыка должна соответствовать не слову как таковому, а духу слова.

С 1966 года я стал прихожанином отца Александра Меня. Это был настоящий духовник!

Наше поколение зачитывалось Тилем Уленшпигелем, удовлетворяя этой книгой инстинкт свободы. Отец Александр участвовал в проверке духовной части оперы, написанной мной по роману Костера, долго объяснял, что представляет собой протестантство. Позже он ре-

комендовал мне написать еще одну - «Мистерию Апостола Павла», пролежавшую 10 лет без надежды на исполнение...

Свое программное произведение, четвертую симфонию, Каретников написал в 1963 году. Оказавшись благодаря запрету в глухой изоляции, он потерял всякую надежду. Симфония получилась страшной. Изобразительные средства додекафонии и вообще-то не блещут радостными красками, а тут... Вначале кажется: все потеряно, глаза выколоты, «тьма, пришедшая со Средиземного моря», объяла все вокруг...

- По мере того, - говорит Николай Николаевич, - как я стал лучше понимать, что такое вера, тема безысходности уходила из моих сочинений. Отчаяние - это смертный грех. Долг человека перед Господом встать и вопреки обстоятельствам продолжать жить достойно, не предаваясь унынию. То, что я написал за последние двадцать лет, обязательно несет не только элементы трагического начала, но и возможность выйти к свету...

Свет впервые забрезжил для него, когда партитуры сочинений Каретникова взяли для исполнения за границу. Концертные премьеры должны были состояться в Риме, Мюнхене и Амстердаме в сезоне 68/69 годов.

- Через три недели после того, как Брежнев ввел танки в Чехословакию, - вспоминает Каретников, - ноты вернулись ко мне без каких-либо комментариев. Было такое ощущение, будто именно я ввел эти проклятые танки. С горя я замкнулся и в течение года не написал ничего стоящего.

Вновь за серьезную работу я взялся в 1970 году. К этому времени понял, что не дожидусь того момента, когда политика перестанет давить на музыку. Конечно, было бы желательно, чтобы наступил расцвет искусства, но если его

нет? С тех пор окружающее меньше влияет на мои сочинения, чем раньше...

Когда «режим» стал ослабевать, Каретников почувствовал иллюзию свободы. Забыв, что ежедневные переговоры с восемью тяжелыми хроническими недугами, следствием первых лет запрета, не всегда заканчиваются успехом, он каждый год исполнял что-нибудь новое на фестивалях «Московская осень». За рубежом на трех компакт-дисках записал кое-что из сокровищ, скопившихся «в столе»: оперу «Тиль Уленшпигель» и духовные песнопения памяти Бориса Пастернака. Так продолжалось шесть лет.

Финансовая удавка, надетая «демократическими реформами» на шею искусства, неожиданно для него вылилась в новый запрет, ничуть не менее жесткий, чем в годы тоталитаризма. Классическая музыка впала в состояние анабиоза.

- В этом году у филармонии не нашлось денег не только на репетиции «Мистерий», стоявших в плане на исполнение, - делится своими сегодняшними бедами Николай Николаевич, - но даже на то, чтобы распечатать ноты. Можно, конечно, передавать партитуры за рубеж, но это не выход.

На днях я вылетаю в Лондон, чтобы с оркестром Би-би-си исполнить Четвертую симфонию. Я бы предпочел, чтобы эта премьера состоялась в России. Прежде всего из-за слушательской аудитории, лучше которой, по свидетельству многих авторитетных музыкантов, в мире нет. Ведь восприятие новой музыки - это ответная работа зала. Не уверен, что европейцам, живущим в сытом и благополучном мире, такая музыка окажется по зубам. В Англии, конечно, не придется заниматься с оркестром нотами. Но добиться, чтобы музыка прозвучала адекватно написанному, будет непросто. Дважды присылали мне записи сочинений, сыгранных без меня. Это было ужасно. Формалистична моя музыка или нет, но она имеет выраженный национальный характер! Русский оркестр, с которым дирижер, чтобы добиться результата, должен превратиться в хама, исполнит симфонию лучше.

- Пока речь шла об исполнении концертных сочинений, ваши взаимоотношения с запретами были понятны. Сложнее с духовными песнопениями. Православие - религия перенесения. Облечение ее священнослужителей копирует одежду состоятельных горожан, живших в Византии в XII веке. Едва ли она примет ваши новаторские сочинения в свой арсенал.

- Музыка церковной литургии замерла на уровне середины XIX века. Сейчас мои песнопения вряд ли прозвучат во время храмовой литургии. Но человек, поставленный патриархией блюсти фестивали религиозной музыки, проявляет большую широту, неизменно приглашая меня вместе с большим Рыбниковским хором на каждое из этих мероприятий. Кто знает, что ожидает их в будущем?

... Вседозволенность... В стране, где все привыкли делать вопреки запретам, она выражается не в том, что можем делать мы. А в том, что делают с нами... Фильм о Николае Каретникове «Тема с вариациями», снятый три года назад, так же, как и его собственные сочинения, пылится на полке, ни разу не побывав на экране. Попав под очередной запрет, он разделит судьбу героя...

71